

КЕЙТ СОР

**ОДИССЕЯ
МИЛАНСКИХ
СВИДАНИЙ**

18+

Свидания в столице моды

Кэйт Сор

Одиссея миланских свиданий

«Автор»

2026

Сор К.

Одиссея миланских свиданий / К. Сор — «Автор», 2026

Милан не прощает слабости, но обожает дерзость. Когда пятилетний брак Кейт рассыпался, оставив её одну в чужой стране с ребенком на руках, у неё было два пути: исчезнуть или переродиться. Она выбрала «тотальный блонд» и новые правила игры. Эта книга — откровенная, порой циничная и предельно честная хроника выживания в самом стильном городе мира. Путешествие через постели и мысли мужчин, которые стали для героини зеркалами: от обжигающей страсти «молодого льва» Сэма до интеллектуальных дуэлей с адвокатом Лоренцо. Это манифест женщины, которая отказалась быть «вариантом» и решила стать главной героиней своей собственной жизни. Данная книга основана на реальных событиях из жизни автора. В целях защиты частной жизни имени, фамилии, профессии и некоторые биографические детали персонажей были изменены. Любые совпадения имен, дат или описанных событий с реальными лицами, живущими или умершими, являются случайными и непреднамеренными.

© Сор К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	6
Глава 1: Марек	7
Глава 2: Светлая квартира	11
Глава 3: Фердинандо	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кэйт Сор

Одиссея миланских свиданий

Данная книга основана на реальных событиях из жизни автора. В целях защиты частной жизни имена, фамилии, профессии и некоторые биографические детали персонажей были изменены. Любые совпадения имен, дат или описанных событий с реальными лицами, живущими или умершими, являются случайными и непреднамеренными.

Вступление

Милан — это город безупречных витрин и дорогих костюмов, где утро начинается не с будильника, а с резкого аромата крепкого эспresso, обжигающего губы у барной стойки. Здесь солнце играет на золотых шпилях Дуомо так ярко, что хочется зажмуриться, но ты боишься пропустить этот миг. В этом городе всё кажется идеальным снаружи, но истинная жизнь скрыта за тяжелыми дубовыми дверями палаццо.

Я приехала сюда не как модель или наследница состояния. Я появилась здесь как иностранка славянского происхождения на четвертом месяце беременности, с чемоданом, полным несбывшихся надежд. Чувствуя, как внутри толкается жизнь, я понимала: это мой единственный шанс на перерождение.

Беременность изменила наши отношения с мужем. Всё стало совсем не так, как я представляла, мечтая о ребенке в паре, где еще пять лет назад двое сгорали от любви и страсти. Последний год мы жили в вежливом холоде, где секс стал формальностью, а близость — лишь тусклым воспоминанием. Когда дочка немного подросла, я начала бракоразводный процесс. Я выбрала свободу в чужой стране, не зная, что именно эта свобода откроет во мне женщину, которую я никогда не встречала прежде.

Мой первый итальянец был обычным айтишником, который «глушил» болезненный опыт прошлых отношений в бесконечных путешествиях. Он прятал шрамы души за экраном монитора и билетами на самолет. С ним я впервые узнала, как мужчина может желать женщину — жадно, остро, так, как ребенок в летний зной жаждет джелато.

Долгое время я жила в «сексуальном полусне» и по-настоящему проснулась только после родов. Мой путь исследования своей сексуальности и тайных желаний — тех самых, от которых буквально взрывалась жизненная энергия — начался со знакомств в Тиндере, а продолжился в обычной жизни, где от одного случайного взгляда «падала крепость».

Эта книга — не просто список моих свиданий. Это пять ярких эротических приключений, моя личная Одиссея. История о том, как среди миланского лоска и звона бокалов просекко я научилась чувствовать жизнь каждой клеткой своего тела. Я наконец узнала, как могут дрожать мои бедра от наслаждения, а любовь к жизни — переполнять сердце.

С раннего детства я познала удовольствие от мастурбации. В семь лет я еще не понимала, что мое тело находится в постоянной тревоге из-за бесконечных скандалов родителей, и так я находила мимолетное успокоение. Частота этого процесса привела к тому, что в сексе с мужчиной мне стало трудно достигать пика. Мне было приятно от мысли, что «он внутри», но оргазм оставался для меня лишь красивым словом.

Милан научил меня получать удовольствие от своего тела. Пришло время раскрыть тайну того самого послевкусия — того, что на самом деле происходит, когда ты оказываешься в постели с итальянцем.

Глава 1: Марек

— Ты снова не выходила из-за стола? — муж не разувался, он просто стоял в коридоре, глядя на гору невымытых чашек рядом с моим компьютером. В его голосе не было злости, только усталость человека, который несет на себе груз реальности, пока я парю в облаках своих черновиков. Он был моим якорем, но в такие моменты я задавалась вопросом: не слишком ли глубоко этот якорь ушел в ил, не давая мне плыть дальше?

Два года как мы переехали в Италию из Польши. Моя свекровь купила большой дом со своим мужем в провинции Милана, и они пригласили нас переехать к ним. Я была на четвертом месяце беременности, когда мы переступили порог большого родительского дома моего мужа. Своего отчима он считал папой.

Мне очень нравилось, что прямо из дома можно было выйти на гладко выстриженный газон, где стояла качеля; я любила проводить время за книгами именно в этом месте. Моя девочка билась внутри моего живота, и с каждым днем мне становилось физически сложнее. Первым делом я встала на учет по беременности в ближайшую больницу. Без знания языка, с переводом в общении с врачами помогала свекровь — она сопровождала меня на плановые приемы. Муж очень быстро нашел себе работу, так как он хорошо знал язык и был востребованным специалистом. Мама и отчим моего мужа тоже работали, поэтому мои будни проходили в одиночестве. Мне приходилось много гулять, чтобы нормализовать свой режим после переезда, и я изучала окрестности маленькой деревни, в которой мы теперь будем жить.

Я вышла замуж по большой любви. Мне было 28 лет, а ему 26, когда мы расписались и дали клятвы друг другу. Это не была пышная свадьба, а скорее акт провозглашения того, что мы выбрали друг друга. У каждой молодой женщины есть такой период, когда она начинает задумываться о детях и семье, определяться с выбором и переходить в фазу успокоения, а не мимолетных романов, шумных дискотек и вечного лета.

Изменилась ли наша близость после замужества? Однозначно да. Я выдохнула и с чистой совестью перестала следить за своей фигурой, и это стало моей ошибкой. Женское тело нужно всегда держать в тонусе: энергия «внизу» — это твоя жизненная энергия, которая питает твой двигатель. Если либидо падает, то, к сожалению, остальные сферы жизни сложно держать в балансе.

Мы познакомились еще подростками. Это был тот самый хрупкий период, когда я только поступила в университет и готовилась навсегда покинуть родной город. Нас познакомила Барбара — общая знакомая. Тогда я и представить не могла, что правда, всплывшая спустя семь лет, окажется настолько травмирующей.

Наши детские отношения с Марексом продлились всего пару месяцев. Они оборвались резко, одним телефонным звонком. Перед очередным свиданием мне позвонила Барбара. Её голос в трубке звучал буднично, но слова били наотмашь: «Знаешь, у Марекса есть другая. Параллельно с тобой. Он просто не может выбрать». В тот вечер выбор сделала я. Позвонила ему и коротко бросила: «Между нами всё кончено».

Мне было невыносимо больно. Я до сих пор, до мельчайших деталей, помню то состояние. Травма отвержения тогда проигралась по мне полноценным оркестром, оставив горький осадок, который не выветривался долгие годы.

Сейчас, оглядываясь назад через пропасть в десятилетия, я понимаю: нет никаких понятий «детская любовь» или «юношеское увлечение». Любовь — она навсегда. Если человек способен искренне полюбить в столь раннем возрасте, это чувство не имеет временных рамок. К сожалению, наша память устроена так, что всё пережитое хранится в ней, словно это случилось только вчера. И сейчас, глядя на Марекса, стоящего в коридоре нашего итальянского

дома, я иногда всё ещё вижу того мальчика, который когда-то заставил меня разувериться в преданности.

Однажды, вернувшись в родной дом после очередного путешествия по Ближнему Востоку, я получила звонок от Барбары. Стоял душный летний день. Вся молодежь нашего и соседних городков стекалась к морю, в пляжные бары, ища спасения в ледяных напитках и громкой музыке.

Мы с Басей (Барбара) никогда не были близки. После той истории с Мареком я и вовсе вычеркнула ее из списка подруг. Говорят, горькая правда от друзей лучше сладкой лжи, и мне стоило бы ценить ее за «честность», но я никогда не умела строить ту самую «крепкую женскую дружбу». Годами выстраивая логические цепочки того ужасного лета, я понимала: Бася была лично заинтересована в нашем разрыве. Но я не знала — почему.

Правда, открывшаяся в том телефонном разговоре спустя годы, ударила меня наотмашь. Она позвонила под предлогом «узнать, как дела». Мой Инстаграм тогда был активен, по нему легко читались все мои перемещения. Она настойчиво звала меня в бар со своей компанией. Я отнекивалась: недавний разрыв с очередным парнем вымотал меня, хотелось уединения в родных стенах. Но разговор затянулся и внезапно перешел в фазу опасных откровений. Мы говорили о том, почему у меня не клеятся долгосрочные отношения. У Баси на тот момент всё было «стабильно» — парень, с которым они были вместе шесть лет. И тут всплыло имя Марека.

— Знаешь, — осторожно сказала я, — Марек был единственным, чья энергетика мне по настоящему подходила. Он мне очень нравился.

Признаться ей, что я была влюблена в него до глубины души, я не спешила. Но Басе тоже было что сказать. С каким-то странным, ледяным пренебрежением она бросила мне в трубку слова, от которых у меня перехватило дыхание:

— Вообще-то, когда вы были вместе, я спала с ним. Каждый четверг он приходил ко мне домой, это был наш день. Он тогда еще заразил меня чем-то венерическим...

Я не поверила своим ушам.

— Как это? — только и смогла переспросить я.

— Ну и что? — ответила она голосом, в котором не было ни капли раскаяния. — Мы были детьми. Не понимали, что творим, не могли совладать с желаниями. Не думали о последствиях.

«Хорошо получается», — подумала я, это еще при том, что на тот момент у нее были долгие отношения с Мареком лучшим другом Лукашем, чувствуя, как внутри закипает ярость. Получается, некоторые девочки запросто позволяют себе «проигрывать» чужие судьбы, словно фишки в казино. Мозг лихорадочно сопоставлял факты, выстраивая новые, уродливые логические цепочки. Меня использовали. Мной манипулировали. Я положила трубку, не в силах больше слышать её голос. Следующие два года Барбара не могла ко мне дозвониться — я стерла её из своей жизни так же решительно, как когда-то Марек.

Прошло пару дней после того разговора с Басей, но легче не становилось. Боль сменилась глухой, вибрирующей яростью. Я злилась на неё. Злилась, понимая, что в её руках Марек был всего лишь податливой игрушкой, щенком. Мужчины ведь часто идут туда, где удовольствие доступнее всего. Только вот был один нюанс: Барбара его не получала. Ни тогда, ни сейчас, со своим парнем — в чем она сама призналась в том роковом разговоре. Я искренне не понимала: зачем юные девочки ложатся в постель, если в этом нет физического удовольствия? Неужели они верят, что через это «самопожертвование» смогут удержать мальчика рядом? Это казалось мне верхом глупости.

Я была благодарна маме и бабушке за их нравоучения, хотя всегда шла против системы. Марек не был моим первым мужчиной. И даже не вторым. Возможно, я кого-то шокирую, но даже не третьим. Я не хвастаюсь своими приключениями, но именно этот опыт привел меня к важному выводу. Я считаю откровенной ложью и заблуждением теорию о том, что отец несет

ответственность за качество сексуальной жизни дочери в будущем. Наличие или отсутствие хороших отношений с отцом фактически никак не влияло на мою интимную жизнь. Тогда мне казалось, что я беру от близости всё. Информации было катастрофически мало, несмотря на доступ к интернету. Даже психология отношений тогда в информационном поле не существовала — в Фейсбуке всё делилось на черное и белое: любовь или не любовь. Полутона отсутствовали.

Многие пары жили годами без женского оргазма, и это считалось нормой. Точнее, мы просто не знали, где проходит граница этой нормы. Мы исследовали себя в темноте, на ощупь, спотыкаясь о чужие манипуляции и собственные иллюзии.

Все эти годы я продолжала познавать себя, погружаясь в глубины собственного либидо. Я — человек тонкой кожи, повышенной чувствительности. Моя травма отвержения в сочетании с вечной тревогой часто толкала меня на приключения, в мужские объятия, которые, увы, далеко не всегда оказывались теплыми. Я искала в них спасения, а находила лишь временное забвение. Мама, видевшая меня насквозь, начала замечать мое нарастающее напряжение.

— Поедем к морю? — предложила она. — Просто на день. Позагораем, побудем вдвоем.

Нужно отдать маме должное: она всегда была невероятно отходчивым человеком. Несмотря на все наши разногласия, мы оставались подругами. Но материнское сердце не обманешь — и оно настойчиво подсказывало ей, что Марек — не моя судьба. Она видела в нем лишь тень из прошлого, которая однажды уже принесла мне боль. Но у Бога, как известно, свои планы.

Тот день был пропитан солью и зноем. Я шла по раскаленному песку, пытаюсь смыть из памяти недавний разговор с Басей, и вдруг... пространство вокруг словно свернулось в одну точку. Спустя семь лет тишины я увидела его. Он стоял на берегу, окруженный друзьями — шумными, веселыми. Оказалось, он приехал сюда в отпуск из Италии. Семь лет жизни в другой стране, сотни километров между нами, и вот мы стоим на одном клочке земли. Ветер донес обрывки его смеха, и я почувствовала, как внутри меня, вопреки логике и здравому смыслу, начинает оживать то самое эхо, которое я так долго пыталась заглушить.

Часто нам кажется, что случайности в жизни — это просто совпадения. Но в ту встречу я четко осознала: я буквально притянула его в свое пространство силой мысли. Мне нужны были ответы. Мне нужно было утишить боль от двойного предательства, которая была еще открытой раной на моем сердце.

В его компании оказался наш общий знакомый Лукаш, тот самый Лукаш с которым у Баси в тот период (четвергов) были отношения. Завидев меня, он замахал руками, подзывая к ним. Я сделала вид, что услышала не сразу, что никого не узнала. Я была в широкополой шляпе, но без очков. В те годы я была очень эффектной девушкой: спортивная, с копной каштановых волос (это сейчас я миниатюрная блондинка). Моя энергетика тогда буквально раздвигала горы, я знала себе цену и умела этим пользоваться. Но встречались мужчины, которые меня «глушили». Марек был одним из них.

Высокий, статный, он почти не изменился. Его лицо всегда казалось мне безупречным — чистая, ровная кожа, в отличие от моей (я с юных лет сражаюсь с пигментацией). Он сидел в пляжной майке, расслабленный, в окружении друзей у бара. Для меня нашлось место. Мы встретились глазами. Марек не улыбнулся. По его лицу невозможно было понять, рад ли он, помнит ли вообще ту девочку из прошлого.

— Привет.

— Привет.

Сухие фразы, дежурные вопросы. Я рассказала, что живу в Кракове и приехала к маме. Он — что обосновался в Милане. Морской бриз дышал мне в спину, солнце медленно тонуло в горизонте. Мне пора было уходить, диалог упорно не клеился, но внутри меня вопреки всему царил абсолютный штиль. Я смотрела на него и просто знала: «Он мой».

Так и случилось. Спустя два года после той встречи на пляже, мы стали мужем и женой. Предложение в сердце Милана, кольцо с голубым сапфиром и жаркие поцелуи на площади Дуомо... Мы были окутаны ощущением, что созданы друг для друга. Эта магия длилась три года. А когда родилась наша дочка, всё изменилось.

С появлением ребенка в паре меняется буквально всё. Даже воздух, которым вы дышали раньше, перестает быть чистым — теперь он пропитан запахом детских присыпок и содержимого памперсов. Нас это не пугало. Мы оба с головой ушли в родительство, искренне влюбившись в наше маленькое продолжение. Мы старательно играли в «идеальную семью», пока в один день не осознали страшную вещь: из нашей жизни исчез секс.

Сначала это казалось естественным — я восстанавливалась после родов. Но позже стало ясно: нам просто негде и некогда. Наши биоритмы разошлись в разные стороны. Живя в одном доме с родственниками, мы никогда не оставались наедине. Несмотря на присутствие бабушки и дедушки, мы не видели у них желания занять маленького человека хотя бы на час, чтобы дать нам возможность выдохнуть и вспомнить друг о друге.

Секс стал дежурным. С закрытым ртом, как можно быстрее, почти украдкой. О моем удовольствии или оргазме не могло быть и речи. Я начала медленно угасать внутри, хотя внешне — расцветала как никогда. Гормоны били ключом: грудь налилась, бедра округлились, кожа стала ровной, а волосы отросли ниже плеч. Я ловила на себе жадные взгляды чужих мужчин на улице, в то время как мой любимый человек отдалялся от меня всё дальше. Эта пропасть росла, и мы понятия не имели, чем её засыпать.

Раздражение и вспышки ссор. Непонимание копилось, как тяжелый смог. В какой-то момент я поняла, что задыхаюсь. Я собрала вещи, взяла дочку и уехала в Краков к подруге. Я стояла на пороге новой жизни, еще не зная — будет она с мужем или без него.

Краков принял нас невероятно тепло. Этот город давно стал моим вторым домом, и старые друзья тут же подставили плечо. Нас окружили такой искренней заботой, которой мне так не хватало в чинной итальянской провинции. В кругу своих, среди знакомых улиц и родных голосов, страсти внутри меня начали понемногу утихать. Расстояние сработало как фильтр: обиды осели на дно, а на поверхности осталось главное — наше желание сохранить семью. Мы с Марекком начали говорить. По-настоящему, без криков и взаимных упреков.

В этих разговорах по видеосвязи начал вырисовываться план нашего «спасения». Мы твердо решили: по возвращении в Милан мы съезжаем от его мамы. Нам нужны были свои собственные апартаменты, свои стены, где мы снова сможем быть просто мужчиной и женщиной, а не вечными гостями в чужом монастыре. Мы заговорили и о дочке. План был прост, но для меня он означал свободу: отдавать её в детский сад хотя бы на полдня. Эти несколько часов тишины должны были принадлежать только мне. Время, чтобы наконец заняться своими делами, писать книги или брать заказы по редактуре на фрилансе.

Я сидела в уютном краковском кафе, смотрела на дочку, играющую рядом, и впервые за долгое время чувствовала: я не просто мама и жена. Я — автор своей жизни. И, возможно, у нашей истории с Марекком всё-таки будет счастливая глава.

Глава 2: Светлая квартира

Первое, что я сделала, переступив порог нашей новой квартиры, — это открыла все окна настежь. Сюда не доносились запахи чужой кухни или негласные правила дома свекрови. Здесь был только свет. Он заливал просторную гостиную, дробился в каплях на стекле и ложился ровными прямоугольниками на паркет. В этой пустоте и белизне стен я впервые за долгое время почувствовала, что мне снова принадлежит мой собственный голос.

Мы сдержали обещание, данное друг другу в Кракове. Переезд стал нашей общей победой над обстоятельствами. Квартира была не просто жильем — она была манифестом нашей независимости. Больше не нужно было ходить на цыпочках мимо чужой спальни или чувствовать на себе оценивающий взгляд мамы Марека.

Когда мы отдали дочку в детский сад на первые полдня, в доме воцарилась тишина. Сначала она напугала меня — оглушительная, непривычная, почти физически ощутимая. Я стояла посреди пустой кухни, в руках была чашка кофе, и я не знала, куда себя деть. Не нужно было бежать менять подгузник, не нужно было подстраиваться под чужой ритм. Я подошла к своему столу. Он стоял в самом светлом углу, прямо у окна, из которого открывался вид на типичные миланские крыши. Это было мое место силы. Мой алтарь.

Дочка адаптировалась к садику на удивление быстро. Она приносила домой новые итальянские словечки и запах акварельных красок, а я... я начала возвращать себе себя. Эти четыре часа тишины стали моим спасением. Я открыла ноутбук, и те мысли, которые я так долго прятала в глубине своего либидо, начали превращаться в текст.

Казалось, что в этой светлой квартире мы наконец-то сможем засыпать ту пропасть, которая выросла между нами. Но тишина в доме была лишь фоном. Самое сложное было — нарушить тишину в нашей постели и в наших сердцах.

Новая спальня пахла свежестью и свободой. Мы купили большую кровать с белоснежным бельем, надеясь, что здесь, вдали от посторонних ушей и глаз, мы сможем вернуть ту искру, которая когда-то заставила меня сказать на пляже: «Он мой». Секс случился. И не один раз. Но это было похоже на попытку завести мотор, в котором закончилось топливо: шум есть, движения есть, а тепла — нет.

Я пыталась. Мои гормоны по-прежнему требовали жизни, мое тело, расцветшее после родов, жаждало признания и страсти. Я хотела экспериментировать, хотела снова почувствовать себя той «эффектной женщиной», способной сводить с ума. Мне хотелось сорвать с нас эти роли «мамы и папы» и на пару часов стать просто мужчиной и женщиной. Но Марек... он словно застыл в одной позе.

Любые мои предложения попробовать что-то новое, добавить остроты или просто сменить привычный сценарий натывались на стену. Он не хотел экспериментов. Он словно боялся выйти за рамки «дежурного» секса, который стал для него безопасной гаванью. В его глазах я видела не желание, а усталость или, что еще хуже, автоматизм. Он отдалялся от меня всё дальше, даже когда мы были физически близки. Это странное чувство — когда человек находится внутри тебя, но ты чувствуешь, что его мысли на миллионы километров в стороне. Пропать, которую мы надеялись засыпать переездом, только расширилась.

В нашей новой светлой квартире стало слишком много места для тишины. Я ложилась на свою половину кровати, смотрела в высокий белый потолок и понимала: мы меняли декорации, но сценарий остался прежним. Я была красивой, желанной для мира, но абсолютно невидимой для того, ради кого я когда-то бросила всё и уехала в Италию.

В какой-то момент я поняла: тишина в спальне не должна означать тишину в моей жизни. Если мой муж не видел во мне женщину, это не значило, что я перестала ею быть. Я начала строить свою независимость — кирпичик за кирпичиком, отвоевывая пространство у соб-

ственного отчаяния. Я пошла в языковую школу. Итальянские глаголы давались с трудом, но каждое новое слово ощущалось как ключ от двери, которая слишком долго была заперта. У меня появились подруги — такие же ищущие, живые, со своими историями и шрамами. Мы пили апероль на террасах, и их смех возвращал мне веру в то, что мир гораздо шире, чем наши апартаменты.

Мое преображение началось изнутри, но быстро выплеснулось наружу. Я сменила гардероб, отдав предпочтение стилю, который подчеркивал мою новую, повзрослевшую женственность. Я больше не пряталась за растянутыми футболками молодой мамы. Моим любимым ритуалом стали воскресенья на Навильи. Ярмарка антиквариата вдоль каналов была местом, где я чувствовала себя по-настоящему дома. Я бродила среди потемневшего серебра, винтажных украшений и старых книг, впитывая эстетику прошлого. В этом поиске старинных вещей я, по сути, искала частички себя — той, которую потеряла в Кракове и в доме свекрови.

Я начала активно искать постоянную работу, чувствуя, как внутри растет твердость. Я больше не была просто «приложением» к Мареку. Я становилась личностью. И именно в этот период у нас случился тот самый диалог. Он не был похож на наши прошлые ссоры. Это была хирургическая операция на открытом сердце — глубокая, болезненная и пугающе откровенная. Мы сидели друг напротив друга, и я видела, что передо мной сидит человек, который тоже по-своему страдает, но не знает, как из этого выбраться. Я сказала ему всё. О холоде, о нереализованном желании, о том, что я больше не могу быть просто тенью на фоне его усталости.

Тот разговор разрезал нашу жизнь на «до» и «после». Марек говорил твердо, без тени сомнения, и в его решительности была какая-то пугающая честность.

— Я больше не вижу в тебе свою женщину, — произнес он, и эти слова повисли в воздухе нашей светлой гостиной, как тяжелый дым. — Я не смогу дать тебе то счастье, которого ты так жаждешь.

Я слушала его и вспоминала нашу последнюю близость перед годовщиной. Тогда он впервые за долгое время сделал мне кунилингус. Казалось бы — то, чего я хотела, физическая нежность, но я чувствовала каждое его мимолетное движение как механическое действие. В этом не было искры, не было того животного, горячего желания, которое невозможно подделать. Это был жест вежливости, прощальный подарок, а не акт любви. И я это понимала каждой клеткой своего тела.

Реальность Италии быстро приземлила наши высокие драмы. Найти жилье с маленьким ребенком, не имея постоянного рабочего контракта — задача почти невыполнимая. Марек понимал это не хуже меня.

— Давай жить под одной крышей, — предложил он. — Как родители нашей дочки. Пока ты не встанешь на ноги, пока не станешь полностью самостоятельной.

Так наши просторные, залитые солнцем апартаменты превратились в полигон для испытаний. Мы стали соседями, связанными общим бытом, общим ребенком и общим прошлым, которое теперь казалось декорацией к чужому фильму.

Я приняла этот вызов. Но жить в одном пространстве с мужчиной, который тебя не хочет, при этом физически расцветать и чувствовать свою силу — это была ежедневная пытка. Я ходила по квартире, стильно одетая, пахнущая дорогим парфюмом, возвращаясь с Навильи с горящими глазами, а натыкалась на вежливый, но пустой взгляд «соседа».

Жить в режиме «сожительства ради ребенка» оказалось испытанием на прочность. Я ходила по нашей светлой квартире мимо человека, который когда-то был моим миром, а теперь стал вежливой преградой на пути к холодильнику. В этой оглушительной тишине нашего общего одиночества я поняла: если я не найду подтверждения своей женственности вовне, я просто рассыплюсь на части. Моя работа, мои курсы и ярмарки на Навильи давали мне опору, но моему телу требовался огонь. Однажды вечером, когда дочка уснула, а Марек привычно уткнулся в экран телефона, я скачала приложение с белым пламенем на иконке. Я листала

лица, имена и города, пока мой палец не замер на одном профиле. Его звали Фердинандо. Тогда я еще не знала, что этот клик станет началом главы, которая сожжет остатки моего прошлого и заставит меня заново учиться дышать.

Глава 3: Фердинандо

Тиндер в Милане — это отдельный вид искусства. Для женщины, чей муж только что официально признал её «невидимой», это приложение стало глотком кислорода. Я листала профили по вечерам, когда в нашей общей квартире воцарялась вежливая тишина, и Марек уходил в свой мир или много работал. Среди сотен лиц я искала не спасения, а подтверждения того, что я всё ещё жива.

Так появился Фердинандо.

Он был моим первым «настоящим» итальянцем. Не тем, кто приехал из Польши и ассимилировался, а коренным, пропитанным этим городом, его экспрессией и умением наслаждаться моментом. Его первое сообщение не было банальным «Come stai?». В нем была та самая легкость, которой мне не хватало последние четыре года.

Я помню нашу первую встречу. Я вышла из дома, оставив дочку с бывшим мужем — официально мы были «просто родителями», и это давало мне право на личное время, которое всё равно жгло мне грудь чувством вины. Но как только я увидела Феда (Фердинандо), вина отступила. Он смотрел на меня так, как не смотрели уже вечность. В его взгляде не было усталости от быта, не было воспоминаний о невымытых чашках или трудных родах. Для него я была загадочной иностранкой со стильным шарфом и глазами, в которых плескалась затаенная грусть.

Мы встретились на Навильи — там, где я привыкла бродить в одиночестве среди антиквариата. Но в тот вечер каналы отражали не старые вещи, а огни баров и мои собственные, внезапно загоревшиеся глаза.

Фердинандо появился в моей жизни именно тогда, когда мне нужно было подтверждение: я все еще существую. Высокий, спортивный, с той особой итальянской статью, которая выдавала в нем северную выправку и южную, сицилийскую кровь родителей. Он был айтишником, жил в собственной уютной квартире в Южном Милане и, кажется, с первой секунды нашей встречи в Тиндере решил, что я — его личный квест.

Общение давалось нам с трудом. Мой итальянский всё ещё спотыкался о сложные фразы, поэтому мы соорудили свой собственный мост: смесь ломаного английского, жестов и бесконечного гугл-переводчика. Но, как оказалось, для того, чтобы почувствовать человека, слова — это лишь шум.

Он был Рыбой по гороскопу. Я тоже Рыбы. Говорят, два представителя этого знака либо тонут друг в друге, либо создают свой собственный, ни на что не похожий океан. Мы чувствовали друг друга на уровне интуиции. В его внимании было что-то обволакивающее, почти магическое. Он смотрел на меня не как на «мать с багажом проблем», а как на женщину, которая заставляет его сердце биться чаще.

— Ты прекрасна, — говорил он мне на каждом свидании, и в его глазах я видела, как он буквально сгорает от желания меня поцеловать.

А я... я играла. Я выставляла между нами невидимый щит, повторяя, как мантру: «Мы можем только дружить». После предательства Марек и Барбары, после холодного сожительства, мне было страшно подпустить кого-то так близко. Но эта игра была опасной. Чем больше я запрещала ему прикасаться к себе, тем сильнее внутри меня разгорался пожар. Феде разбудил во мне то, что, казалось, навсегда заснуло в доме свекрови. Моё либидо, моё подавленное влечение вдруг вспыхнуло с новой силой. У меня горели глаза, когда я видела его сообщение на экране. Я возвращалась в нашу с Марексом квартиру, пропитанную запахом детской каши и безразличия, но внутри меня всё еще вибрировал голос моего нового друга и его немой вопрос в глазах.

Я была Рыбой, которая наконец-то нашла свою воду, но всё ещё боялась в нее нырнуть.

Вечер подходил к концу, и воздух Южного Милана казался наэлектризованным. Мы стояли совсем рядом, и я видела, как тяжело он дышит. В его глазах больше не было вежливого интереса айтишника — там плескалось неприкрытое, голодное мужское желание. Когда пришло время прощаться, Фердинандо потянулся ко мне. Он не просто обнял меня — он притянул меня к себе так близко, что я почувствовала жар его кожи сквозь одежду. Между нами возникло то самое сексуальное влечение, которое невозможно симулировать и невозможно игнорировать. Это был зов двух Рыб, нашедших друг друга в мутной воде реальности.

Внезапно он перехватил мою ладонь. Его пальцы были сухими и горячими. Не отрывая взгляда от моих глаз, он медленно провел моей рукой вниз, к своему животу. Я замерла. Под моими пальцами была не мягкость домашнего уюта, к которой я привыкла, а стальная крепость мужского тела. Ощущение его силы и того, как он желает меня здесь и сейчас, пробило меня током от кончиков пальцев до самого низа живота. Мои гормоны, которые я так долго пыталась «усыпить» в светлой квартире с Марекком, взбунтовались. Я кожей чувствовала, как сильно он меня хочет.

Но внутри меня сработал предохранитель. Страх, остатки верности призрачному браку и нежелание сдаваться слишком быстро заставили меня отступить.

— *Ci vediamo...* — прошептала я, почти теряя голос.

Я быстро, мимолетно поцеловала его в щеку — жест, который был скорее дразнящим, чем прощальным. Не давая ему времени опомниться и схватить меня снова, я развернулась и почти убежала.

Я шла к метро, чувствуя, как горят мои щеки и как бешено колотится сердце. В голове пульсировала только одна мысль: «Я всё еще жива. Я все еще желанна». Я возвращалась домой к мужу-соседу, неся на своей ладони тепло Феде, и это было самое острое чувство за последние несколько лет. Телефон вибрировал в моей сумке всю дорогу до дома. Фердинандо писал сообщения одно за другим, словно боялся, что магия нашей встречи испарится, как только я переступлю порог своей квартиры.

— Приходи завтра на обед, — предложил он. — Я возьму выходной. Хочу приготовить для тебя настоящие домашние равиоли. Рецепт моей мамы, сицилийское наследие.

Я смотрела на экран, и внутри меня боролись две женщины. Одна — правильная мать и жена-соседка, которая должна была остаться дома. Другая — та, чьи пальцы всё ещё помнили сталь его мышц и чей взгляд горел от невысказанного желания.

— Хорошо, я приду, — напечатала я, чувствуя, как дрожат пальцы. — Но сразу предупреждаю: секса у нас не будет. Даже не рассчитывай на это. Мы просто друзья, Фердинандо.

Я отправила это сообщение, сама едва веря в свои слова. Это был мой последний бастион, попытка договориться с собственной совестью.

Он ответил коротко: «Конечно. Просто обед. Жду тебя».

Следующее утро казалось мне особенно ярким. Я собралась с особой искрой, глядя на себя в зеркало той самой «светлой квартиры», где Марек привычно не замечал моего преобразования. Я уходила не просто на обед — я уходила туда, где меня ждали как женщину. Южный Милан в тот день казался мне лабиринтом, в котором я знала каждый поворот. Удивительно, как тесна бывает судьба: Феде жил совсем рядом, буквально в нескольких кварталах от нашей с Марекком квартиры. Эта географическая близость пугала и буродажила одновременно. Я шла по знакомым тротуарам, мимо привычных витрин, но мой маршрут сегодня был запретным. Каждое пересечение улиц ощущалось как прогулка по лезвию бритвы — а вдруг я встречу кого-то из знакомых? Вдруг Марек решит выйти за продуктами именно сейчас? Но жажда жизни была сильнее страха.

Поднявшись к Феде, я сразу попала в другой мир. Если в моей квартире с бывшим мужем царил холодный минимализм и запах невысказанных обид, то здесь всё дышало теплом. Воздух был густым от аромата чеснока, свежего базилика и томатов — Феде действительно колдовал

над равиоли по рецепту своей матери. Он встретил меня в домашнем фартуке, с легким нале- том муки на руках. Эта домашняя, уютная картинка никак не вязалась с тем образом «атле- тичного айтишника из Тиндера», но именно это меня и подкупило. Он не пытался казаться мачо, он просто ждал меня.

— Привет, — улыбнулся он, и в этой улыбке было столько искреннего света, что мои заготовленные фразы о «просто дружбе» застряли в горле.

Я прошла на кухню, стараясь сохранять дистанцию.

— Помнишь, что я сказала? — строго напомнила я, садясь на высокий стул. — Я пришла только на обед.

Он лишь понимающе кивнул, продолжая раскатывать тесто.

— Конечно, «соседка». Просто обед.

Но пока он двигался по кухне, я не могла оторвать взгляда от его рук. Сильные, уверенные руки айтишника, которые сейчас нежно лепили тончайшее тесто. Мы пили легкое белое вино, и разговор лился сам собой. Мы, два одиноких сердца, наконец-то оказались в одном потоке. Он рассказывал о Сицилии, о своих поездках, а я ловила себя на мысли, что в этой маленькой квартире я чувствую себя в большей безопасности, чем в своем собственном доме. Между нами вибрировало электричество. Каждый раз, когда он подходил чуть ближе, чтобы подлить вина или передать тарелку, я чувствовала, как по коже бегут мурашки. Мои «границы» были начерчены на песке, и прилив страсти уже начинал их размывать.

Стол был накрыт так, что мы сидели плечом к плечу — опасная близость, которую я ста- ралась не замечать, пока пробовала его угощения. Феде подготовился безупречно. На тарелке красовалась дыня с прошутто крудо — моя любимая закуска, о которой я вскользь упоминала в переписке. Он запомнил всё. Равиоли по рецепту его матери были божественны. Я ела, то и дело закрывая глаза от удовольствия и повторяя, как это вкусно. В этой маленькой кухне в Южном Милане, пропахшей базиликом и тестом, я на мгновение забыла о своих страхах, о холодном Мареке в соседнем квартале и о своем твердом «нет».

— Подожди, у тебя что-то на брови... — тихо сказал он, прерывая мой восторг.

Я замерла. Его рука нежно коснулась моего лица, но он не спешил убирать пальцы. Воз- дух между нами стал густым, как сицилийское вино. Я видела, как близко его лицо, чувство- вала его тепло. Вместо того чтобы убрать руку, Феде медленно наклонился и коснулся губами моей шеи. Я остолбенела. Этот поцелуй был таким нежным и одновременно властным, что все мое сопротивление рассыпалось в прах. Я больше не хотела бороться. Моё тело, так долго голодавшее по вниманию и ласке, предательски отозвалось дрожью. Я перестала дышать, отда- ваясь этому ощущению: его губы на моей коже, его запах, его близость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.